

© 1998 г. В. ЧИРИКБА

К ВОПРОСУ ОБ АБХАЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В МЕГРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Мегрелы, представители западной ветви картвеляязычного мира, в течение многих веков существуют в условиях тесных и многосторонних культурно-экономических и политических связей с абхазами, народом, говорящем на языке абхазо-адыгской ветви северокавказской языковой семьи (второй ветвью которой является нахско-дагестанская группа языков). Территориальная близость этих двух народов подкреплялась общностью политических судеб Абхазии и Мегрелии, совместно входивших в состав целого ряда государственных образований: как полулегендарного Колхидского царства (в достоверности существования которого, впрочем, у историков имеются серьезные сомнения), так и в уже реально засвидетельствованное царство Лазика, позднее – в Абхазское царство (VIII–X вв. н.э.), а после X века – в состав объединенного Грузинского царства вплоть до его распада в XIII веке. В начале XIX века Мегрельское (в 1803) и Абхазское (в 1810) княжества вошли в состав Российской Империи, а в новейший период как Абхазия (с 1931 года – в качестве Автономной Республики), так и Мегрелия входили в состав Грузинской ССР.

Традицией были династические браки между представителями княжеских домов Абхазии и Мегрелии, т.е. между абхазскими владетельными князьями Чачба (Шервашидзе) и мегрельскими Дадианами. Южноабхазские аристократы нередко владели мегрельским языком, и наоборот, мегрельские князья нередко знали абхазский. Отражая ситуацию, характерную для начала XIX века, Е. Спенсер в своей книге "Travels in Circassia, Krum-Tartary" писал: "Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском диалекте [подразумевается абхазский. – В. Ч.], которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с черкесами..." (с. 317–318).

Языковая интерференция была особенно интенсивной в зоне непосредственного абхазо-мегрельского пограничья, в Самурзаканской провинции Южной Абхазии (нынешний Гальский район) и в близлежащих мегрельских районах. Население большинства населенных пунктов здесь еще в конце XIX века было либо двуязычным (мегрело-абхазским), либо по крайней мере понимало абхазский язык, причем знание абхазского было более распространено среди мужчин и особенно местной аристократии. По сообщению А. Цагарели [Цагарели 1880: IX], "абхазский язык во всем Самурзакане до последнего времени был языком высшего сословия, – князей и дворян, они этим сеголяли...".

Динамика воздействия одного языка на другой в различные исторические эпохи была неодинаковой. В целом, можно сказать, что интенсивность абхазского языкового влияния на мегрельский, пик которого приходился, вероятно, на период существования Абхазского царства, постепенно ослабевала по направлению к нынешнему времени, хотя в мегрельско-абхазской контактной зоне абхазский по-прежнему сохранял свое влияние вплоть до первой четверти XX века. Наибольшее мегрельское влияние на абхазский приходится, по-видимому, на середину XIX – первую четверть XX века, что было обусловлено тем, что, в связи с опустением большинства абхазских земель в результате махаджирства (массовой депортации абхазов в Турцию царской Россией) происходил активный процесс переселения в Абхазию значительного

количества мегрелов, который продолжался, с разной степенью интенсивности, вплоть до недавнего времени. Это привело к существенной интенсификации мегрело-абхазских контактов, что отразилось, в частности, и на абхазском лексиконе, усвоившем довольно значительное количество мегрельских слов (в том числе и грузинизмов проникших в абхазский язык через мегрельское посредство).

Хотя по насыщенности картвельской лексикой из всех северокавказских языков абхазский уступает, пожалуй, лишь бацбийскому, только небольшая ее часть, около 30 лексем, находит свое продолжение в тапантском диалекте близкородственного абхазскому абазинского языка (предки носителей которого переселились в позднее средневековье из Абхазии на Северный Кавказ) и, таким образом, возводима к общеабхазской эпохе (см. [Chirkba 1996: 101–102]). Такой весьма небольшой объем картвельской лексики в общеабхазском свидетельствует о довольно слабой интенсивности прямых абхазо-картвельских контактов в общеабхазский период (т.е. примерно до XIV века), причем картвельское языковое влияние ограничивалось почти исключительно лексикой, не затрагивая морфологии или синтаксиса.

Лексическое влияние картвельских языков охватывало прежде всего прибрежные области Абхазии, в значительно меньшей степени затрагивая ее горные регионы, причем удельный вес картвелизмов увеличивается с запада на восток, достигая максимума в пограничных абхазо-мегрельских районах с нередким абхазо-мегрельским, и реже мегрело-абхазским двуязычием, и уменьшается примерно вдвое в бзыпском диалекте, составляя здесь немногим более ста лексических единиц.

Необходимо отметить, что, если не считать небольшой части картвелизмов, непосредственно возводимых к грузинскому источнику (ввиду либо отсутствия их соответствий в мегрельском, как в случае с праабх. **adg'ə'l* 'земля' при груз. *adgil-i* (то же), либо фонетического расхождения мегрельской формы с грузинской и абхазской, ср. общеабх. **abž'ar* 'вооружение, доспехи' при груз. **abž'ar-i* vs. мегр. *anž'ari*)¹, большая часть картвельской лексики, проникшей в абхазский устным путем, в том числе и основная масса грузинизмов, имеет своим источником именно мегрельский язык (следы контактов абхазского со сванским, вопреки бытовавшим ранее представлениям относительно смешанного абхазо-адыгско-картвельского характера сванского, напротив, не столь явно ощутимы (хотя см. [Топуриа 1967: 69–70; Hewitt 1992a: 245–246]). Иная ситуация сложилась в советское время, после вхождения Абхазии в Грузию в 1931 г., когда в литературный абхазский язык было введено довольно большое количество грузинской лексики.

2. Вопрос о мегрельском языковом влиянии на абхазский изучен уже довольно неплохо благодаря работам [Чарая 1912; Генко 1928; Шмидт 1950; Бгажба 1964; Циколия 1969; Лукассена 1980; Джонуа 1986; Шагиров 1989 и др.]. В то же время вопрос о влиянии абхазского языка на мегрельский не получил до сих пор должного освещения. Это не означает, разумеется, что данная проблематика вовсе не затрагивалась исследователями. Целый ряд абхазских лексических заимствований в мегрельском отметил в своем великолепном словаре мегрельского языка И. Кипшидзе [Кипшидзе 1914]. Весьма ценной с исторической точки зрения представляется описанная А. Цагарели [Цагарели 1880: VIII–IX] картина языковой ситуации, характерной для абхазо-мегрельского пограничья второй половины XIX века. Ряд интересных наблюдений с точки зрения исследуемой проблематики принадлежит Н.Я. Марру

¹ В статье приняты следующие сокращения названий языков: абж. – абжуйский диалект абхазского; абх. – абхазский; аджар. – аджарский диалект грузинского; адыг. – адыгейский; ашхар. – ашхарский диалект абазинского; бзыб. – бзыбский диалект абхазского; груз. – грузинский; гур. – гурийский диалект грузинского; зугд.-самурз. – зугдидско-самурзаканский диалект мегрельского; имерет. – имеретинский диалект грузинского; каб. – кабардинский; лаз. – лазский; мегр. – мегрельский; общеабх. – общеабхазский; общеадыг. – общеадыгейский; осет. – осетинский; праабхазо-адыг. – праабхазо-адыгейский; самурз. – самурзаканский говор мегрельского; сван. – сванский; сенак. – сенакский диалект мегрельского; тап. – тапантский диалект абазинского; убых. – убыхский; шапс. – шапсугский диалект адыгейского; юго-осет. – юго-осетинский.

[Марр 1938]. Впоследствии некоторые отдельные аспекты данной тематики рассматривались в работах [Чикобава 1942; Рогава 1942; Гудава 1947; Ломтатидзе 1956; Циколия 1977; Климов 1971; 1986; Дзидзария 1987; Hewitt 1992a; 1992b] и некоторых других авторов.

В данной статье, которая представляет собой первую часть исследования (вторую часть его составляет этимологический анализ мегрельских абхазизмов), я рассматриваю фонетические особенности абхазских заимствований в мегрельском, а также даю лексико-семантические и этимологические комментарии касательно некоторых дискуссионных случаев. Весьма коротко затрагиваются также вопросы возможного влияния абхазского в области мегрельской морфологии (включая и материалы близкородственного мегрельскому лазского языка), поскольку эта интересная тема заслуживает специального рассмотрения.

Анализируемый ниже мегрельский материал абхазского происхождения представляет собой как апеллятивную, так и, в меньшем объеме, ономастическую лексику. Существенная его часть была уже отмечена в специальной литературе, другая же часть дополнительно выявлена мною. Основными источниками по мегрельскому языку послужил уже упомянутый словарь И. Кипшидзе, а также работы А. Цагарели, П. Чарая и некоторых других авторов, а также собранный мною полевой лексический материал. Мегрельские лексемы по возможности проверялись у носителей обоих мегрельских диалектов (т.е. сенакского и зугдидско-самурзаканского). Слова, имеющие общемергельское распространение, помечаются ниже пометой **мегр.**, в иных случаях указывается конкретный диалект или говор.

Большинство анализируемого в данной работе материала было обсуждено с Г.А. Климовым в Москве, когда я работал в секторе кавказских языков Института Языкознания АН СССР, а также несколькими годами позже, во время Кавказского Коллоквиума в Марбурге. Все его замечания были мной полностью учтены. Я посвящаю эту статью Георгию Андреевичу как дань моего уважения к памяти этого великого ученого, рядом с которым мне посчастливилось работать и общение с которым дало так много для моего становления в качестве лингвиста-кавказоведа.

3. Абхазские заимствования образуют определенный пласт в мегрельском словаре и составляют несколько тематических групп. Самая большая группа представлена сельскохозяйственными терминами, лексикой животноводства и производства молочных продуктов ('скотный двор', 'хлев', 'охотничья либо пастушья хижина', 'толпа, стадо', 'убежище пастуха на горном пастбище', 'узда, уздечка', 'козья шкура служащая подстилкой пастуху', 'маленький стол для сыра', 'деревянный сосуд для кислого молока' и т.д.). Второй по своему объему группой является терминология, относящаяся к домашнему хозяйству ('открытый балкон', 'основная балка', 'маленький топорик', 'плетеная хижина' и т.д.), затем следуют названия растений ('персик', 'вид винограда', 'вид груши с маленькими плодами', 'облепиха' и т.д.), слова религиозной среды ('тень, приведение', 'ритуальный плоский хлебец', названия некоторых божеств и др.), названия частей тела ('борода', 'рука', 'почки'), природных объектов ('река, ущелье', 'весна', 'поле'), характеристика качеств человека ('глухой', 'глупый', 'сумасшедший'), мореходства ('лодка', 'парус') и т.д.

4. **Фонетический анализ абхазских заимствований в мегрельском.** Фонемные инвентари абхазского и мегрельского языков представляют разительный контраст как с точки зрения вокализма, так и консонантизма. Можно назвать лишь несколько черт, общих для фонологических систем обоих языков, наиболее основными из которых являются трехрядная консонантная оппозиция "звонкий-глухой-глоттализированный" и сравнительная простота системы резонантов. Однако все эти черты характерны для большинства коренных кавказских языков. Наиболее основным отличием в консонантизме служит то обстоятельство, что большинство абхазских шумных согласных обладают тембровой корреляцией палатализации и лабиализации, отсутствующей в мегрельском и в других картвельских языках. С другой стороны, абхазский вокализм содержит только два члена, различающихся по

степени открытости ($a \sim \bar{a}$), тогда как в мегрельском имеется пять гласных (которые авторы рассматривают шва в качестве шестого мегрельского гласного [Имнадзе 1971:6]).

Несмотря на столь существенные различия в фонемных инвентарях, между контактирующими мегрельскими и абхазскими диалектами наблюдается некоторая взаимная фонетическая "аккомодация", выражающаяся в адаптации артикуляционных черт, первоначально присущих лишь одному из контактирующих языков. Так, соседствующий с мегрельским абжуйский диалект абхазского языка упростил некоторые из первоначальных контрастов, например, в нем произошло слияние средних и передних простых сибиллянтов ($\zeta \acute{s} \rightarrow z, s, \acute{z} \acute{c} \acute{c}' \rightarrow \acute{z} c c'$), он элиминировал фарингализованный вулярный спирант ($\underline{x} \rightarrow x$), тогда как все эти фонемные контрасты все еще сохраняются в бзыбском диалекте. В пограничных с мегрельским абхазоязычных зонах специфический мегрельский акцент ощущается как во фразовой интонации, так и в общей мелодике речи, в смягченном произношении латерального резонанта l , а также в значительном числе лексических заимствований и в абхазо-мегрельском двуязычии.

С другой стороны, отмечается очевидное абхазское влияние на произношение мегрельских звуков, усиливающееся в зонах непосредственного контакта. Это особенно характерно для самурзаканского говора мегрельского (что неудивительно ввиду смешанного, абхазо-мегрельского, происхождения большей части его носителей), несколько меньше в зугдидском говоре, и еще меньше в сенакском диалекте, более отдаленных от Абхазии и испытывающих влияние западногрузинских диалектов. Эти особенности мегрельской речи были отмечены еще Чарая [Чарая 1912: 2], который писал, что "в Самурзакани же говорят на мингрельском наречии в фонетическом отношении весьма приближающемся к абхазскому". Как замечал Чарая [Чарая 1912: 59], "сванский язык и самурзаканский говор мингрельского языка представляют переходную ступень от грузинской звуковой системы к абхазской. И в сванском, и в мингрельском есть звук \bar{a} , играющий большую роль в абхазской фонетике, ... Звук l в мингрельском языке произносится очень мягко, мягче чем в грузинском; в Самурзакани же он произносится очень твердо, совершенно так, как в абхазском" (см. также [Цагарели 1880: 9, 18; Кипшидзе 1914: 012–013]). Нет никакого сомнения, что мегрельский заимствовал шва из абхазского и, как я уже отметил выше, некоторые авторы рассматривают его в качестве шестой гласной фонемы мегрельского языка.

4.1. Фонетические изменения в заимствованных словах.

(1) Вокалические соответствия.

Наблюдаются как регулярные, так и спорадические соответствия между гласными в заимствованных из абхазского мегрельских словах и в их абхазском первоисточнике. В зависимости от соседнего согласного, один и тот же абхазский гласный может отражаться в мегрельском различным образом.

(1.1.) В отличие от обычного соответствия абх. $a >$ мегр. a ср. такие случаи, как:

абх. : мегр.

$a > u$

:абх. $Aq' \bar{a} >$ мегр. $Aq' u$ 'Сухум' (под влиянием лабиализованного $q' \bar{a}$); $a-\acute{s}'xa-r\bar{a}-\acute{z}' >$ $\acute{s}xuri\acute{c}i$ 'дикий виноград';

$a > e$

:абх. $a-l\bar{a}ra >$ мегр. $lere$ 'рычаг', $h-taca >$ $xateci$ '(наша) невестка', $a-pha >$ xe 'дочь' (в женских фамилиях), $a-lak' \bar{a}-\bar{a}mha >$ $lek' u(m)xa$ 'крушина ломкая' (бот.), $a-\acute{c}'am\bar{a}k' \bar{a} >$ $\acute{c}emkwa$ 'вид молочного блюда', $a-x\bar{c}' \bar{a}t >$ $x\bar{c}' \bar{e}ti$ 'сливки', $a-ha-\acute{c}' \bar{c}' \bar{a} >$ $x\bar{c}' \bar{e}\bar{c}'i$ 'сорт груши'. Наряду с другими возможными причинами, передача абхазского a через e в мегрельском может быть объяснена несколько передней артикуляцией абхазского гласного;

- a* > *u* : абх. *a-lak'*°*əmha* > мегр. *luk' u(p)xa* 'крушина ломкая', *a-laha* > *luŋi* 'инжир';
- a* > *o* : этот процесс характерен в основном для финальной позиции: абх. *a-wəra* > мегр. *uro* 'деревянный молот', *a-xač'*'*a* > *xač'o* 'творог', *a-k'(a)k'ara* > *k'ak'aro* 'чаща', *a-nax'ta* > *naxuta* // *naxuto* 'узда'; ср. также абх. *ak'ə* < **ak'a* 'один' > лаз. *ak'o* 'однажды'.

(1.2.) Абхазской гласный *ə* может либо сохраняться в мегрельском, либо изменяется в другие гласные:

- абх.: мегр.
- ə* > *i* : абх. *a-nəš'* > мегр. *niši* 'лодка', *k'əla* > *k'ila* преверб 'через, сквозь', *a-nəga* > *niga* 'деревянный молочник', *a-c'əc'əndra* > *c'ic'indera* 'земляника', *a-k'ač'*'*əč'*' > *k'ač'ic'i* 'вид мелкого винограда', *a-təŋ'* > *tiŋi* 'баран'; эта субституция особенно часто наблюдается в сенакском диалекте;
- ə* > *u* : абх. *aarən* > мегр. *arini* 'весна', *a-ləg* > *luga* 'глупец', *parərnəxa* > *parurnaxa* 'имя божества', *a-pəčxa* > *ričxa* 'крошка';
- ə* > *e* : абх. *a-ləra* > мегр. *lere* 'рычаг';
- ə* > *a* : абх. *parərnəxa* > мегр. *parurnaxa* 'имя божества';
- ə* > *o* : абх. *a-č'nər* > мегр. *činori* 'наемный пастух';
- ə* > \emptyset : абх. *a-č'amək'°a* > мегр. *čemkwa* 'вид молочного блюда'.

(1.3) Иногда финальные гласные, присутствующие в мегрельских заимствованиях из абхазского, но отсутствующие в современных абхазских формах, могут, по-видимому, указывать на более старое абхазское состояние, ср. абх. *a-tər* > мегр. *tipu'tarə* 'летняя стоянка пастуха' (общеабх. **tərə*), абх. *a-x°až°* > мегр. *xozo* 'рододендрон' (общеабх. **q°až°ə*), абх. *a-ləg* > мегр. *luga* 'глупец' (> груз. *lungi*; к общеабх. **ləga?*).

(1.4.) Сохранение начального *a-*.

Мегрельский заимствовал абхазские слова либо с артиклем, оформляющим так называемую "словарную форму" имен, либо, чаще, без него, хотя количество слов, заимствованных с артиклем довольно велико (около 20 лексем). Иногда встречаются параллельные формы как с артиклем, так и без него, ср. абх. *a-xk'aara* 'ограда для скота' > мегр. *xek'arallaxk'ara* 'временное пастушье стойбище'. Мегрельский также сохраняет абхазской корневой начальный *a-*, как например в *ak'a* 'один (раз)' (также лаз. *ak'o* 'однажды') < абх. *ak'ə* (< **ak'a*) 'один', *aŋwiri* 'узечка' < абх. *aŋ'ra*, *ašwamk'jad* (самурз.) < абх. *aš°ə-mk'at* 'маленький столик для сыра' (*aš°* 'сыр').

(2) Изменения в дифтонгах.

(2.1.) Мегрельский избегает зияние в абхазских словах с дифтонгом *aa* путем либо его монофтонгизации (напр.: абх. *aarən* > мегр. *arini* 'весна', *a-xk'aara* > *axk'ara* 'ограда для скота'; *a-xaac'a* > *xac'a* 'закваска'), либо вставки эпентетического *w* (как в мужских формах фамилий *-aa* > *-aall-awa*).

В нескольких случаях современному абхазскому *aa* соответствует мегрельское *ɣ*, что явно отражает более старую форму *aa*, происходящего из эмфатизованного фарингала **h*, сохраняющегося в абазинском, ср. абх. *Maan* (< **Maħan*) > мегр. *Marɣanija* 'княжеское фамильное имя' (с эпентезой *-r-* и добавлением обычного мегрельского фамильного суффикса *-ija*), абх. *aanda* > мегр. *ɣanda* 'ограда'.

(2.2.) Другие дифтонги претерпели следующие изменения:

абх.	:мегр.		
<i>ow</i>	> <i>ou, ѱ, u</i>	:абх. <i>abowra</i>	> мегр. <i>aboura, abūra, ambura</i> 'хлеб';
<i>aj[ej]</i>	> <i>e</i>	:абх. <i>ajla(r)ž'</i>	> мегр. <i>ela(r)ži</i> 'мамалыга, сваренная со свежим сыром';
<i>aj</i>	> \emptyset	абх. <i>ajk'°aγa</i>	> мегр. <i>k'waγa</i> 'маленький топорик' (однако см. ниже, в 5.2.);
<i>ja</i>	> \emptyset	:абх. <i>ack'a bzaja</i>	> мегр. <i>skebzi</i> 'ритуальный сыр' (однако см. ниже, в 5.2.);
<i>wə</i>	> <i>u</i>	:абх. <i>a-wəra</i>	> мегр. <i>uro</i> 'деревянный молот'.

(3) Консонантные соответствия.

Как простые, так и палатализованные абхазские задние сибиланты передаются в мегрельском посредством (фонетически смягченных) простых задних сибилантов. Абхазские палатализованные веллярные смычные меняются на простые смычные с переносом палатализованного тембра согласных на соседние гласные. Так, последовательность /C'a/ (где C обозначает любой согласный) дает в мегрельском комбинацию /Cel/, ср. абх. *a-žak'a* > мегр. *bžak'e* 'борода', абх. *a-ck'a bzaja* '(ритуально) чистый (и) хороший' > мегр. *skebzi* 'ритуальный сыр', абх. *a-mak'a* > мегр. *make* 'точильный камень', абх. *a-q'at'ama* > мегр. *γetama* 'шкворень ярма', а последовательность /C'ə/ передается как /Ci/, ср. абх. *a-k'ač'əč'* > мегр. *k'ač'ič'i* 'сорт винограда', абх. *a-pš'ərha* > мегр. *apširha* 'деревянная посуда для хранения кислого молока'.

Лабиялизованные согласные, которые отсутствуют в мегрельском, обычно передаются через последовательность /Cw/ либо /Cu/:

(a) Абх. /C'°a/ дает мегр. /Cwa/: абх. *a-dag'°a* > мегр. *dagwa* 'глухой', *a-maž'°a* > *mazwa* 'тесто', *a-g'°arta* > *agwarta* 'стадо', *a-max'°ar* > *maxwari* 'рука', *a-k'°adac* > *k'°wadaci* 'облепиха' (бот.);

(b) Абх. /C'°ə/ дает в мегр. /Cu./: абх. *a-lak'°əmha* > мегр. *lek'umha* 'крушина ломкая';

(c) слова с конечными лабиализованными согласными передаются посредством финальной последовательности "простой согласный плюс огубленный гласный": абх. *a-x'°až'°* > мегр. *xozo* 'ритуальный хлебец', *a-bac'°* > *bacu* 'мушмула' (Mespilus germanica), *a-k'°ək'°* - > *k'uk'u* 'вьюнок' (бот.).

(3.1) Другие субституции согласных:

абх.	мегр.		
<i>j</i>	> <i>i</i>	:абх. <i>ajə-ra</i>	> мегр. <i>aia</i> 'растительность';
<i>j'°</i>	> <i>w</i>	:абх. <i>Naq'°ej</i>	> мегр. <i>Naweia</i> 'муж. личное имя';
<i>ž</i>	> <i>ž/z</i>	:абх. <i>azmax</i> 'болото'	> мегр. <i>az/zmax</i> 'лука, пруд';
<i>t</i>	> <i>c</i>	:абх. <i>h-taca</i>	> мегр. <i>xatecil/xaceci</i> '(наша) невестка' (с по ассимиляции);
<i>k'°</i>	> <i>gu</i>	:абх. <i>k'°əž'maxan</i>	> мегр. <i>Gužmaxan</i> 'муж. имя';
<i>q'</i>	> <i>γ, x</i>	:абх. <i>a-q'at'ama</i>	> мегр. <i>γetama</i> 'шкворень ярма', абх. <i>a-bacq'a</i> > мегр. <i>pacxa</i> 'плетенка, плетеная хижина';
<i>q'°</i>	> <i>γu</i>	:абх. <i>Aq'°a</i>	> мегр. <i>Aγu</i> 'Сухум', абх. <i>Bataq'°a</i> > мегр. <i>Bataγua</i> 'муж. имя';
<i>t'</i>	> <i>t</i>	:абх. <i>a-q'at'ama</i>	> мегр. <i>γetama</i> 'шкворень ярма';
<i>ž'</i>	> <i>č</i>	:абх. <i>a-š'xa-rə-ž'</i>	> мегр. <i>šxurici</i> 'дикий виноград'.

(3.2.) Абхазский глухой эмфатизованный фарингал *h*, редкий в мегрельском, обычно

заменяется на увулярный *x*; ср. абх. *a-hata* > мегр. *xarta* ‘бурдюк’, *h-taca* > *xateci//xaceci* ‘(наша) невестка’, *a-pha* ‘дочь’ > *xe* ‘женский фамильный суффикс’, *a-lak'*°*amha* > *lek'u(m)xa//luk'u(p)xa* ‘крушина ломкая’ (> лаз. *luk'umxa//nuk'umxa*, груз. *luk'urxa*). В нескольких случаях абх. *h* соответствует кластеру в картвельском, ср. абх. *a-č'amha* > мегр. *čamhwal/čamkwa* (также *čampa*) ‘клен’, абх. *a-laħa* > мегр. *luyi* (старая форма *loyi* [Кипшидзе 1914: 274] ‘инжир’. Во втором примере мы имеем, по-видимому, старое заимствование в мегрело-лазский и грузинский (ср. лаз. *luyi*, груз. *leγwi* < **laγw-* ‘инжир’; см. огласовку с *a* в производном мегр. *ma-layuri*, груз. *mo-layur-i* ‘иволга’), в котором сохраняется исходный лабиализованный характер фарингального, утраченный в абхазском (общезападнокавказское **laH°ə* ‘инжир’, ср. также убых. *Lax'ə*, шапсуг. *ax°ə* ‘инжир’ [Chirikba 1996: 303]. Однако в первом примере, имея в виду общеадыгское **pħa* ‘древесина’, родственное абх. *-mħa* (сохранившемся в сложениях [Шагиров 1982: 79], причина наличия в мегрельском кластера остается неясной.

(3.3.) Изменения согласных в кластерах:

абх. <i>jt</i>	> мегр. <i>nt</i>	: абх. <i>Ajtar</i> > мегр. <i>Antari</i> ‘имя божества’;
абх. <i>nd</i>	> мегр. <i>nd/md</i>	: абх. <i>a-c'əc'əndra</i> > мегр. <i>c'ic'inderall/c'ic'indera</i> ‘земляника’.

(3.4.) Эпентетические звуки.

Наличие эпентетических звуков, в основном резонантов и глайдов, весьма характерно для мегрельского и лазского языков. Ср. следующие примеры с наращиваниями в заимствованиях из абхазского: абх. *abowra* > мегр. *ambura* ‘хлеб’, *a-xaga* > *xanga* ‘сумасшедший’, *a-hata* > *xarta* ‘бурдюк’ (> груз. *xalta*), *a-xc'ara* > *x(ə)nc'(a)ra* ‘метить скот’ (> сван. *xənc'əra*), *a-t'ama* > мегр. *at'ama* > лаз. *ant'ama*, *at'amba* (из мегрельского идут также сван. *at'ama*, груз. *at'ami*, а из последнего – юго-осет. *at'ami* ‘персик’, *a-nč°a* ‘бог’ > *nerč'i* ‘имя божества’. Помимо спонтанной эпентезы, мегрельский также использует эпентетическое *w* для избежания зияния, ср. абх. *-aa* > мегр. *-aaw-awa* суффикс мужских форм фамилий.

(3.5.) Консонантные комплексы.

Абхазские консонантные комплексы обычно упрощаются в мегрельском либо путем элизии одного из компонентов, либо путем вставки гласного (*ə*, *i*, *e*, *a*). Упрощению подвергаются в основном начальные кластеры, ср. абх. *a-hgəzər* > мегр. *bəgəzəri* ‘кизил’, *a-xk'aara* > *xek'arall/axk'ara* ‘ограждение для скота’, *a-pha* ‘дочь’ > *-xe* ‘суффикс женских фамильных имен’, *a-xrazaga* > *xərazaga // xirazaga* ‘деревянная молочная цедилка’, *a-x-c'a-ra* > *xnc'ral/xənc'ara* ‘метка скота’, *a-ha-č'č'a* дикая груша > *xəč'eč'i* (сенак.) ‘поздний сорт груши с мелкими плодами’ (> груз. *xəč'eč'ur-i* ‘дикая и сочная груша’, аджар. *xəč'eč'ur-a*, гур. *xič'iač'ur-i*, лаз. *xəč'ač'uri*, (*mχul*) *xəč'eč'uli* ‘сорт груши’), *a-xč'at* > *xəč'et'i* ‘сливки’, *h-taca* ‘наша невест(к)а’ > *xateci* ‘невестка’, *a-c'əc'əndra* > *c'ic'inderall/c'ic'indara* ‘земляника’, *a-č'nər* > *č'nori* ‘наемный пастух’, *a-k'k'ara* > *k'ak'ara* ‘чаща’.

Неначальные кластеры не так часто подвергались модификации, ср. абх. *aγ°ra* > мегр. *aγwiri* ‘узда’, *a-lak'°amha* > *lek'uxa//luk'uxa* (наряду с *luk'urxa//lek'umxa*, гур. *luk'umxallo*, *lek'uxo*, имерет. *luk'urxo*, лаз. *luk'umxa*) ‘крушина ломкая’, *a-nč°a* ‘бог’ > *nerč'i* ‘имя божества’, *a-nax°ta* > *naxutal/naxuto* ‘узда’.

(3.6.) Мегатеза.

Этот процесс весьма обычен в мегрельском и наблюдается как в исконных, так и в заимствованных словах. Ср. в абхазских заимствованиях:

абх. *a-g°arta* > мегр. *agwartal/argwata* ‘стадо, толпа’;

абх. *a-bgəzər* > мегр. *bəgəzəri/lbgziri* ‘кизил’.

Таким же образом много лет назад мегрелы и/или лазы трансформировали греческий

термин ἄβασχοι в *abxaz*, который, через посредство грузинского языка, стал современным названием абхазов в русском и других языках.

5. Лексико-этимологические комментарии.

5.1. В нескольких случаях в абхазском наблюдаются обратные заимствования слов, ранее усвоенных мегрельским из абхазского. Одним из таких слов является название плетеной хижины. В мегрельском и в западногрузинских диалектах оно звучит как *расха*. Это слово встречается также и в лазском, но с несколько иной семантикой (*расха* 'плетеная корзина'), откуда оно проникло в некоторые изолекты хемшинского диалекта армянского языка в восточной Турции (устное сообщ.). Известно оно также в абхазском в форме *а-расха* 'плетеная хижина'. Хотя Кипшидзе [Кипшидзе 1914: 335] предложил для мегрельского, а Бгажба [Бгажба 1964: 203] для абхазского заимствование из грузинского, само грузинское слово известно только в регионах, соседствующих с Мегрелией. Г.А. Климов [Климов 1986: 182] перечисляет мегр. *расха* в числе заимствований из абхазского. Можно попытаться связать абх. *а-расха* с встречаемым в абжуйском диалекте *а-расх* 'сухие ветви'. Но такая этимология наталкивается как на семантические, так и на фонетические трудности (наличие конечного палатализованного *х*). Более вероятно, что мегрельская форма обязана своим источником абх. *а-бѣсаq'а* 'плетенка' (ср. также *абѣсаq'-'j'нѣ* 'плетеный дом'), ср. особенно его более старую форму в географически близком к мегрельскому цабальском говоре абхазского (сохраняющемся в Турции): *а-бѣсаq'а*, а также *басq'а* 'плетенка' в тапантском и ашхарском диалектах абазинского. Этимологически оно довольно прозрачно: *а-бѣса* (< **баѣса*) 'ветви, используемые для плетения' и *-q'а* 'плоский'. Значение 'плетеная хижина' явно производно от 'плетенка'. Ср. с этой точки зрения семантику упомянутых лазских и хемшинских лексем, а также имеретинское *расха* 'маленькая корзинка в мельнице, куда сыплется кукуруза' [Глonti 1984: 538]. Принимая идею о заимствовании мегрельского *расха* из абхазской формы *а-бѣсаq'а*, в мегрельском следует допустить оглушение начального губного и субституцию отсутствующего в нем палатализованного глоттализированного увулярного смычного гоморганным фрикативом. Позднее абжуйский диалект абхазского заимствовал это слово из мегрельского уже в его мегрелизованной форме и в суженном значении 'плетеная хижина', и с юга оно совсем недавно достигло бзыпского диалекта. Характерно, что слово *а-расха* неизвестно, насколько можно судить, абхазским диалектам в Турции, что доказывает, что оно проникло в абхазский довольно поздно, уже после эмиграции большей части абхазского народа в Турцию в середине прошлого века.

Другим сходным примером обратного заимствования является, по-видимому, мегр. (зугд.-самурз.) *ѳетамѳа* 'шкворень ярма', бзыб. *а-q'ат'ама* и абж. *а-ѳат'ама* (то же). Исходная форма, по-видимому, представлена в бзыбском диалекте, тогда как абжуйская форма с начальным *ѳ*-указывает на заимствование из мегрельского. Абхазское слово, как предложил Бгажба [Бгажба 1964: 225], может быть связано с адыг. *q'ѳатѳѳа*, каб. *q'ѳѳатѳѳа* 'шкворень ярма' (< общеадыг. **q'ѳѳ-ѳѳама*).

5.2. Интересно, что помимо *расха*, имеется еще несколько мегрельских заимствований, которые фонетически лучше соответствуют северным, т.е. абазинским, чем южноабхазским диалектам. Ср. мегр. *к'ѳаѳа* 'маленький топорик', которое ближе по форме к тап. *к'ѳаѳа* 'то же', чем к абж. *ажк'ѳаѳа*, либо бзыб. *ажк'ѳѳ*. Ср. с этой точки зрения также мегр. *бас'а* 'клец' с ашхар. *баѳа* vs. абж. *а-р'ас'а*, бзып. *а-р'ас'ѳ* (то же) (по анлаутному согласному мегрельская форма стоит ближе к ашхарской), мегр. *арѳат* 'открытый, явный' с тап. *арѳат* vs. абх. *арѳата* (старый аланизм в абхазском; тапантская форма с согласным исходом является более старой, ср. осет. *ѳргѳом* 'лицо, фасад; открытый, явный'), мегр. *скебзи* 'ритуальный сыр' с *бзи* во второй части, ср. тап. *бѳѳѳ* vs. абх. *бѳѳѳа* 'хороший'. Эти и некоторые другие языковые факты могут указывать на то, что, вопреки общепринятому (в основном, в исторической

литературе) мнению, согласно которому предки абазин-тапанта мигрировали на Северный Кавказ с территории Западной Абхазии (где позднее зафиксирован садзский диалект абхазского, напрямую не связанный с тапантским), представляется более вероятным, что они жили прежде именно в юго-восточной части Абхазии, на территории либо древней Миссиминии (ущелье реки Кодор, историческая провинция горной Абхазии Дал-Цабал), либо Апсилии (которая включала территорию современного Гальского района Абхазии), т.е. в любом случае в непосредственном соприкосновении с мегрелоязычным ареалом. Можно предположить что именно отсюда, из Южной Абхазии, предки тапантовцев перешли приблизительно в XIII–XIV вв. через Клухорский перевал на северокавказскую равнину, богатую землей и пастбищами, где их потомки живут и по сей день. Интересно в этой связи отметить, что тапантский диалект имеет такие мегрельские заимствования, которые отсутствуют как в бзыбском (т.е. в северном) так и в садзском (западном) диалектах абхазского, ср. там. *ka* 'да', абж. *ko* < мегр. *ko* 'да'.

5.3. В качестве абхазских заимствований в мегрельском я рассматриваю также слова, которые в самом абхазском ранее были заимствованы из других языков, ср. такие слова, как мегр. *abragi* 'разбойник, абрек', *bžak'e* 'борода', *dagwa* 'глухой', *uro* 'деревянный молот' (в абхазском все из адыгского), *našutalnašuto* 'узда' (в конечном счете из тюркского, но в абхазском, по-видимому, через адыгский), *č'ınori* 'наемный пастух' (конечном счете из иранского), *agram* 'открытый, явный' (в абхазском из староосетинского).

5.4. Некоторые слова, рассматриваемые другими авторами в качестве заимствований в абхазский из мегрельского, могут трактоваться, исходя из их фонетического облика, либо из их более убедительной абхазской этимологии, напротив, как абхазизмы в мегрельском. Например, мегрельское и грузинское *ašwiri* (из грузинского усвоено в бацбийский в виде *ašwir*), сван. *hašwr-il* 'узда, уздечка' вряд ли могут быть источниками абх. *áγ^ora* (то же) (см. [Старостин 1985: 80]), так как в этом случае ожидаемая абхазская форма была бы **áγ^ośr*, а не *áγ^ora* (ср. также ашх., тап. *γ^ora*). С другой стороны, сама картвельская форма с начальным гласным не может считаться нормальной для исконных картвельских слов (см. [Климов 1994: 54]). Поэтому можно полагать, что здесь мы имеем дело скорее с абхазским словом усвоенным в картвельские языки. Абхазская лексема имеет такие дагестанские соответствия, как лак. *šuri*, дарг. *uršur*, табас. *furu*, и, возможно, также авар., бежт., гунзиб. *royo*, при допущении здесь метатезы (дагестанские формы см. [Кибрик, Кодзасов 1990: 158]). Симптоматично, что картвельские основы не были включены Г.А. Климовым в его пракартвельский словарь.

Я рассматриваю мегр. *ašwamk'jad* (самурз.) 'маленький столик для сыра' как заимствование из абх. *a-š^oə-mk'at* (то же) (где *aš^oə*- означает 'сыр'), вопреки высказанному в [Джанашиа 1915: 81] мнению об анализе этого мегрельского слова как *sum k'et'i* 'три палки', что не вполне убедительно ни семантически, ни фонетически (учитывая начальный *a-* в мегрельской форме). Кроме того, мегр. *k'et'i* нормально дает в абхазском *a-k'at* 'палка', т.е. с финальным глоттализированным, а не аспирированным смычным. Кварчия [Кварчия 1981: 114] связывает вторую часть абхазского слова с аналогичным элементом, присутствующим в абхазском архаичном термине *j^oaž-mk'at* 'винный кувшин', сохранившемся в нарских фольклорных текстах: *j^oa-žə* означает 'молодое вино', тогда как *mk'at* интерпретируется как 'вместилец, место чего-либо'.

Абхазская атрибуция некоторых других слов остается спорной, ср. мегр. *nəši/nuši* 'лодка' [ср. также лаз. *nuši/niši*, груз. (диал.) *nuša/nuš-i*], неотделимые от абх. *a-nəš'* (то же). Вопреки мнению Чарая [Чарая 1912: 13], считавшего абхазское слово заимствованным и мегрельского, О. Дзидзария (устное сообщ.) полагает, что наличие *ə* в одной из мегрельских форм может, напротив, указывать на абхазский источник для мегрельского (и в конечном счете для диалектных грузинских и лазских слов, для

которых допустимо полагать мегрельское посредство). Характерно в этой связи, что мегрельский и грузинский заимствовали и другой абхазский мореходный термин, *á-pra* 'парус'. Абхазское слово может в конечном счете предположительно восходить к какому-либо индоевропейскому источнику, продолжающему и.-е. **nāu-s* 'судно' (ср. греч. *ναῦς*, лат. *nāvis*, санскр. *naūs* 'корабль'), хотя сохранение номинативного суффикса при заимствовании не вполне обычно.

6. Ономастика. Кроме апеллятивной лексики, мегрельский заимствовал из абхазского некоторое количество теофорных и личных имен, а также топонимов. Первая группа состоит из таких имен, как *Antari Žini/Žini Antari* 'имя божества', букв. 'Верхний/Верховный Антари', из абх. *Ajtar* 'божество плодородия и скотоводства', *Napral/Napurnaxa* 'имя божества', из абх. *Napral/Napər-nəḥa* 'то же' (*a-nəḥa* 'икона', 'святилище'), *žiwow* из абх. *ze-jwow* 'имя божества, упоминаемое в ритуале вызывания дождя' (*ze* означает 'вода').

Среди усвоенных абхазских личных имен можно назвать такие мужские имена, как *Bata?ua*, из абх. *Bataq°a* (в конечном счете из кабардинского, на что указывает кабардинское окончание *-q°a*, означающее 'сын'), *Gudu*, из абх. *G°ə-dəw*, букв. 'Большое Сердце', *Gižma-xan*, из абх. *K°əž°ma-xan* (*a-k°əž°ma* 'волк', с элементом *-xan* тюркского происхождения), *Naveia*, из абх. *Naj°ej* (< этноним 'ногаец'), женское имя *Gwaša*, из абх. *G°aš'a*, восходящее к имени персонажа нартского эпоса (в адыгейском *g°aš'a* означает также 'принцесса, госпожа') и т.д.

Одним из старых топонимов, уже кажется вышедших из употребления, является мегр. *Aq'u-žixa*, *A?u-žixa* 'Сухум', груз. *Aq'u-s cixe*, или просто *aq'u* (мегр. *žixa*, груз. *cixe* 'крепость'; ср. старое турецкое название Сухума *Sohum-kale* 'Сухум-крепость'). Абхазское название Сухума зафиксировано на голландских картах начала XVII века как *Аси*, а в русских документах XVIII века как 'крепость Аку', все из абх. *Aq°a* 'Сухум'.

Некоторые абхазские лексемы стали элементами мегрельской топонимии, ср. мегр. *agwara* 'скотный двор' [< абх. *a-g°ara* (то же)], *ašta* 'поле, луг' (< абх. *ašta* 'двор, поляна перед домом'), *az/zmax* 'лужа, пруд' (< абх. *azmax* 'болото'), *k'ak'aralo* 'густой лес с крупными деревьями' (< абх. *a-k'k'ara*) и т.д. [Цхадая 1975: 34].

6.1. Интересно, что абхазские форманты, образующие фамильные имена, были, по-видимому, весьма популярны в Мегрелии и даже в Западной Грузии. Имеются в виду суффиксы *-aal/-awa* и *-pḥel/-ḥe*.

6.1.1. Суффикс *-awa* является стандартным мегрельским окончанием, оформляющим мужские формы фамильных имен, ср. *Vok'uč°-awa*, *Leč°-awa*, *Gud°-awa*, *Mik°-awa* и др. Абхазское происхождение этого суффикса предполагал еще Н.Я. Марр [Марр 1938: 4], но он связывал его с абх. *a-pa* 'сын' (дериватом которого является абхазский мужской фамильный суффикс *-ba*, ср. *Agr°-ba*, *Tar°-ba*, *Zəx°-ba* и т.д.), что неудивительно по фонетическим причинам. В мегрельском имеется параллельная форма суффикса *-awa*: *-aa*, ср. *Leč°-aal/Leč°-awa*, *Mik°-aal/Mik°-awa*, *P'ap°-aal/P'ap°-awa*, *Kard°-aal/Kard°-awa* и т.д. Форма *-aa* может, по-видимому, считаться исходной, так как она прямо соответствует абхазскому суффиксу множественности класса человека *-aa*, который используется для оформления множественного числа фамилий (напр., *Agr°-aa*, *Tar°-aa*, *Vəḥ°-aa*), а также с обычными именами, ср. *apswa* 'абхаз', мн.ч. *apsw-aa*, *a-waj°ə* 'человек', мн.ч. *a-w-aa* и т.д. Что до *-w-* в мегрельском алломорфе *-awa*, то он скорее всего является эпентетическим элементом, используемым для избежания зияния, ср. мегр. *ta-wa* 'я, мол', вместо *ta-a*, *psuwa* 'крыло' параллельно с *psua* (ср. в архавском лазском *msual/mswa* 'крыло') и т.д. Хотя предпринимаются попытки интерпретировать рассматриваемый мегрельский фамильный суффикс на собственно картвельской почве [Калдани 1980: 74], абхазская его этимология представляется более вероятной. Исходной фонетической формой абхазского суффикса является **ḥa*. Время трансформации звонкого эмфатизованного фарингала в дифтонг *aa* неизвестно, но скорее всего это произошло не так давно, возможно где-то в XVIII веке

(еще в середине прошлого века П. Услар отмечал присущий *aa* гортанный призвук). Это обстоятельство может говорить о том, что мегрелы заимствовали этот суффикс сравнительно недавно, в противном случае мы имели бы в мегрельском фрикатив, как в мегрельско-абхазском фамильном имени *Maryanija*, отражающем старую абхазскую форму **Maħan* > совр. абх. *Maan*; ср. также мегр. *γanda* 'изгородь' < абх. **aħa-nda* (то же) > совр. абх. *aanda*. Однако не исключено и то, что мегрелы, находясь в постоянном контакте с абхазами, преобразили старую форму *-*γa* (< абх. *-*ħa*) в *-aall-awa*, следуя ее эволюции в абхазском.

6.1.2. Другим суффиксом фамильных имен, на этот раз оформляющим женские фамилии, является мегр. *-xe*, ср. *Zinc'are-xe* 'урожденная Зинцаре', *Mocik'a-xe* 'урожденная Моцика', *Dadi-xe* 'урожденная Дадиа' и т.д. Источником этого форманта является абх. *a-pħa* 'дочь', употребляющееся в качестве суффикса женских форм фамильных имен, ср. *Agr-pħa* 'женщина по фамилии Агрба', *Tar-pħa* 'женщина по фамилии Тарба' *Maan-pħa* 'женщина по фамилии Маан' и т.д. Интересно, что более близкая к абхазскому оригиналу форма этого суффикса, *-pxe*, сохранилась в западногрузинских диалектах, в гурийском и имеретинском. В нижнеимеретинском, согласно Марру (1938: 42), используется как *-pxe*, так и *-xe*. Ср. также *-pxe* в гурийском: *žibuf'i-pxe* 'урожденная Джибути', *Beri-pxe* 'урожденная Беридзе', *K'alanda-pxe* 'урожденная Каландадзе', *Rami-pxe* 'урожденная Рамишвили' и т.д. Согласно Глonti [Глonti 1984: 556], в гурийском имеется также лексема *pxe* 'девочка, молодая женщина'. Мегрелидзе [Мегрелидзе 1938: 136] цитирует гурийскую песенку, текст которой полностью состоит из женских форм фамилий с суффиксом *-pxe*:

Ali-pxe, Mali-pxe,

Bzik'i-pxe, Bzik'i-č'ila-pxe,

Malazoni Mocik'a-pxe.

Поскольку этот суффикс стал архаичным, он приобрел несколько насмешливую коннотацию [Мегрелидзе 1938].

Согласно Мегрелидзе, как в гурийском, так и в имеретинском имеется сильный мегрельский субстрат, на что указывают, помимо других фактов, наличие большого числа мегрельских по происхождению фамильных имен. Интересно, что иногда в западногрузинских фамилиях формант *-pxe* накладывается на имена с мегрельским генетивным суффиксом *-ši*, также оформляющим фамильные имена, ср. *ža-ši-pxe* 'урожденная Джа-ши', *Tuγu-ši-pxe* 'урожденная Тугу-ши' (параллельно с *Tuγu-pxe* [Мегрелидзе 1938: 140]).

Кроме мегрельского и западногрузинских диалектов, абхазский женский фамильный суффикс встречается спорадически также в лазском (в атинском диалекте), ср. лаз. *Gurieli-pxe* 'урожденная Гуриели', *žaq'eli-pxe* 'урожденная Джакели' и т.д., и в одном случае он зафиксирован в сванском фольклоре [Мегрелидзе 1938: 137].

Кстати, иногда в абхазском, и регулярно в речи турецких абхазов, суффикс *-pħa* используется в своей фонетически упрощенной форме *-ħa*, ср. *Agr-ħa* 'женщина по фамилии Агрба', *Tar-ħa* 'женщина по фамилии Тарба', *Maan-ħa* 'женщина по фамилии Маан' и т.д., что прямо соответствует мегрельской форме *-ħe*.

Хотя уже Марр [Марр 1938: 42] ясно указывал на абхазский источник для мегрельского *-xe* и гурийско-имеретинского *-pxe*, имеются попытки иной этимологии этого суффикса. Например, Мегрелидзе [Мегрелидзе 1938: 137–138] анализирует западногрузинское *-pxe* как *-p-* и *-xe*, усматривая в *-p-*, в духе четырехэлементного анализа, яфетический элемент *ber* 'ребенок', а в *-xe* – яфетический элемент *lin* ↔ *xep* 'ребенок', которое на стадии матриархата означало 'женщина, дочь', откуда и женское фамильное окончание. А. Чикобава [Чикобава 1942: 26], в свою очередь, связывал *-pxe//xe* с древнегрузинским *mqew-al-* 'рабыня'. Чургулиа [Чургулиа 1983: 134] считал, что *-ħe* и его вариант *-pxe* являются по происхождению колхскими, т.е.

мегрело-лазскими. Возражая Чургулиа, Х. Бгажба [Бгажба 1987: 91] справедливо указывал, что ясная этимология этого суффикса существует лишь в абхазском (*a-pħa* 'дочь', 'молодая женщина' > суффикс *-pħa//ħa*, образующий женские формы фамилий). Кроме того, характерно, что элемент *-(p)ħe* неизвестен в Восточной Грузии. Генетически абх. *a-pħa* связано с адыг. *pħ^oə* и убых. *pħ'ə* 'дочь' (< праабхазо-адыг. **p-H^oa*).

7. Абхазское влияние на мегрельский не ограничивалось лишь словарем, оставив явные следы также в морфологии и синтаксисе. Я не буду здесь вдаваться в детали этой интересной темы, поскольку она заслуживает специального рассмотрения, и упомяну лишь наиболее интересные результаты исследований в этой области.

Мегрельско-лазский и абхазский обнаруживают явные параллели в категориях потенциалиса и взаимности [Климов 1971: 258]. Система превербов в мегрельском типологически очень близка абхазской и отличается в этом отношении от родственных языков, в которых система превербов не столь сильно развита. Что до синтаксиса, то, согласно М. Циколия, такие специфические черты мегрельского предложения, как порядок членов предложения, специфическая синтаксическая конструкция двух контактирующих глаголов с суффиксом *-ni* 'когда', употребление некоторых наречий и послелогов, наличие конструкции, идентичной абхазскому словосочетанию, включающему в себя инфинитивный глагол с обстоятельственной частицей и т.д., в ряде случаев стоят ближе к абхазскому, чем к грузинскому или сванскому, что, по мнению Циколия [Циколия 1977: 96] является результатом долговременных контактов абхазского с мегрельским.

Многие авторы указывали не только на структурные сходства мегрельских и абхазских глаголов с превербами, но порой даже на их материальную идентичность. Так, А. Чикобава полагал, что мегрельские превербы *c'a-* 'вниз(у)', *k'a-* 'на', *no-* 'там', *to-* 'внутри', *la-* 'внутри', не имея параллелей в грузинском и сванском, были заимствованы из абхазского [Чикобава 1942: 151–152]. Еще ранее Марр, в своей рецензии на мегрельскую грамматику И. Кипшидзе, указывал на абхазское происхождение мегрельского преверба *k'ila//k'əla* 'сквозь (отверстие)' [Чикобава 1942: 155]. Абхазский преверб является производным от имени *a-k'əla-č'°a//a-k'əl-ħa-ra* 'отверстие, дыра'. Марр полагал также заимствованный характер мегрельского преверба *-ta-//to-* 'внутри', ср. аналогичный абхазский преверб *-ta-*, тогда как А. Шанидзе предполагал то же самое в отношении мегрельского преверба *a-l-//e-la-//ila* [Чикобава 1942: 155]. Т. Гудава [Гудава 1947] считал, что мегрельский направительный суффикс *-x* был заимствован из абхазского (см. ниже).

Хотя мнение об абхазском происхождении некоторых из названных картвельских аффиксов следует рассматривать с осторожностью, так как не исключено их исконно картвельское происхождение, нет никакого сомнения в заимствованном характере, по крайней мере, мегрельского преверба *k'ila//k'əla* 'сквозь (отверстие)' и также, возможно, направительного суффикса *-x*. Ср. примеры *k'ila//k'əla*, приведенные Чарая:

Мегрельский

Абхазский

<i>k'əla-raħua</i>	<i>a-k'əl-ca-ra</i>	'прогнать (сквозь отверстие)'
<i>k'əla-sħap'ua</i>	<i>a-k'əl-pa-ra</i>	'выпрыгнуть'
<i>k'əla-pirinia</i>	<i>a-k'əl-pər-ra</i>	'вылететь'
<i>k'əla-rywapa</i>	<i>a-k'əl-da-ra</i>	'пройти/провести через'
<i>k'əl-ed</i>	<i>d-k'əl-sə-j't'</i>	'он появился (букв. 'вышел из отверстия')

Элемент *k'ila//k'əla* используется не только при глаголах, но также и в отглагольных именах, ср. мегр. *k'ila rwili ža* 'дупло дерева' (букв. 'насквозь продырявленное дерево'), *k'ila-xit'onili* 'вырытый, выкопанный' и т.д.

Другим вероятным случаем заимствования абхазского аффикса, предложенным Т. Гудава, является вторая часть мегрельского направительного суффикса *-šə-x(i)ə*

‘по направлению к’, ср. *ʔude-ša-x(əli)* ‘к дому’, *ʔura dya-ša-x* ‘до дня смерти’, *ʔugidi-ša-x* ‘до/к Зугдиди’, ср. абх. *a-bna-x* ‘(по направлению) к лесу’, *a-ʔn-ax* ‘по направлению к дому’ и т.д. [Гудава 1947]. Первая часть сложного мегрельского суффикса является исконной и находит параллель в лазском ср. лаз. *k'oč-i-ša* ‘по направлению к человеку’, *oč(r)i-ša* ‘по направлению к дому’. Второй элемент, по мнению Гудава, заимствован из абхазского послелога *-a + x(ə)* ‘по направлению к’. Следует отметить, что и в лазском есть направительный суффикс *-xo* ‘к, в направлении к’. См. также лазский суффикс *-ša-xa* означающий ‘как, подобно’, возможный когнат мегрельского *-ša-x* ‘по направлению к’, ср. лаз. *baba škimi-ša-xa* ‘подобный моему отцу’, *hama-ša-xa* ‘подобно этому’ [Март 1910: 228], где значение ‘подобно, как’ может быть развитием из значения ‘по направлению к’. Гудава [Гудава 1947: 194] полагал, что абхазский направительный суффикс *-x* присутствует также в таких мегрело-лазских формах как *ʔido-x-še* ‘сверху’, *ek'o-x* ‘навверх’, *dik'o-x* ‘вниз’, мегр. *dolo-xe* ‘внутри’, *uk'ač-xe/a* ‘сзади’ и т.д.

8. Структурные модели некоторых мегрельских идиом буквально совпадают с соответствующими композитами в абхазском (а иногда и в родственном ему языках), ср. мегр. *guri-č'wili* ‘грустный’, букв. ‘с сожженным сердцем’, абх. *a-g°ə-bəl-ra* ‘грусть, тревога’, букв. ‘жжение сердца’, мегр. *nina-dač'xiri*, абх. *a-mca-bz* ‘пламя’, в обоих языках букв. ‘язык огня’ (ср. каб. *māfa-bzaj*, убых. *məʒa-b'za* ‘то же’), мегр. *arti neeri* ‘своеобразный, особенный, такой-то’ (*arti* ‘один’), абх. *ak'-a + la-š°a* (то же) (*ak'ə* ‘один’, *a + la* инструментальный суффикс, *-š°a* ‘подобно’; ср. груз. *am naeri* ‘такой, подобный’, где *am* ‘этот’; грузинское соответствие указано мне Г.А. Климовым) и т.д.

9. Некоторые из разительных примеров мегрело-абхазских структурных параллелей имеют свое продолжение также в лазском, ареал распространения которого в настоящее время не соприкасается с абхазским, будучи отделенным от него аджарской, западногрузинской, и мегрельской речью, что может пролить определенный свет на лингвистическую географию древних времен, когда абхазский и лазский были непосредственными соседями. В качестве иллюстрации этого я приведу здесь только два примера, число которых можно без труда увеличить. Г.А. Климов [Климов 1986: 183], со ссылкой на Гамкрелидзе и Мачавариани, рассматривает лаз. *k'ai mac'oni* ‘мне понравилось’, букв. ‘я это хорошо видел’ в качестве кальки с абх. *bzaja jə-z-ba-ji'* ‘мне это понравилось’, букв. ‘я это хорошим увидел’. Такая же идеосемантема представлена в адыгском и убыхском, т.е. общеабхазо-адыгской. Таким образом, в данном случае мы имеем специфическую лазско-абхазоадыгскую параллель, не разделяемую ни мегрельским, ни другими картвельскими языками. Другим интересным примером является конструкция с послелогом в значении ‘потом, после’. В мегрельском и лазском она образуется с помощью морфемы *-k'ule*, которой предшествует генитивный суффикс *-š*, ср. лаз. *ondye(r)-i-š-k'ule* ‘после обеда’, *oxor-ša mo-p-ti-š-k'ule* ‘после того как/когда я пришел домой’. Грузинский в этом случае использует наречия *roca*, *rodesac*: *roca saxls miwuaxlowdit* ‘когда мы пришли домой’, *roca is dabrundeba* ‘когда он вернется’. Элемент *k'ule* встречается также в наречии: лаз. *e-k'ule*, мегр. *u-k'uli* ‘потом, затем, после’ и является производным от *k'ule* ‘след’, родственном груз. *k'wal-i* (то же). В грузинском *k'wal-i* не используется в такой функции, но в абхазском мы находим аналогичное употребление слова *a-š' + ta* ‘след’: *d-an-c[a]-a + š' + ta + x'* ‘когда/после того как он ушел’, *d-anə-z-ba a + š' + ta + x*; ‘когда я увидел его/ее’ и т.д.; ср. также наречие *a-š' + ta + x'* ‘после, затем’ (< **š' + ta-a + x'ə*, букв. ‘к следу’), параллельное *u-k'uli/e-k'ule* в мегрельском и лазском. В тапантском диалекте абазинского тот же элемент *š' + ta*, в фонетически упрощенной форме *ta*, используется для образования деепричастий прошедшего времени, ср. *d-ca-ta* < *d-ca-š' + ta* ‘он уйдя’, т.е. ‘после того как он ушел’, *s-č°a-ta* < *s-č°a-š' + ta* ‘я сев’ и т.д., тогда как в ашхарском диалекте эта же морфема известна в форме *-š'a*, ср. *d-ca-š'a* ‘он(а)

ўд'я', *s-t'a-s'a* 'я сев'. Абазинские данные еще более напоминают лазские конструкции с *-š-k'ule*.

10. Представленный в данной статье материал показывает, что влияние абхазского языка оставило свои явные следы как в мегрельском словаре, так и в морфологии и синтаксисе, что свидетельствует о весьма длительном периоде контактирования и взаимодействия абхазского языка с мегрельским. Наличие же некоторых из заимствований или структурных калек с абхазского также в лазском языке [Климов 1971] на нынешний день занимающем весьма далекий от абхазского географический ареал, может пролить определенный свет на древнюю геолингвистическую ситуацию Западного Закавказья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бгажба Х.С. 1964 – Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси, 1964.
- Бгажба Х.С. 1987 – Труды. Книга первая. Сухуми, 1987.
- Генко А.Н. 1928 – Абхазский вокализм // Известия АН СССР. Отделение Гуманитарных наук, VII-я серия. Ленинград, 1928.
- Глонти А.А. 1984 – Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984 (на груз. языке).
- Гуава Т.Е. 1947 – Абхазский послелог *x* в занском языке // Сообщения АН Груз. ССР. Т. VIII. № 3.
- Джанация Н.С. 1915 – Религиозные верования абхазов // Христианский Восток. Т. IV. Вып. 1. Петроград, 1915.
- Джонуа Б.Г. 1986 – Лексические заимствования в абхазском языке. Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 1986.
- Дзидзария О.П. 1987 – К этимологии некоторых мегрельских пастушеских лексем // Актуальные вопросы лексикологии и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Имнадзе Н.Е. 1971 – Звуковой состав мегрельского диалекта занского языка. Автореферат дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.
- Калдани М.М. 1980 – К вопросу о суффиксе *-ell/-av* в картвельских фамильных окончаниях // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XXII. 1980.
- Кварчия В.Е. 1981 – Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1981.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1990 – Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.
- Китцидзе И. 1914 – Грамматика иверского (мингрельского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. VII. СПб., 1914.
- Климов Г.А. 1971 – Этимология 1968. М., 1971 – Рец.: Dumésil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV. Récits Lazes.
- Климов Г.А. 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Климов Г.А. 1994 – Древнейшие индоевропейцы картвельских языков. М., 1994.
- Ломтадзе К.В. 1956 – О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // Мнатоби. № 12. 1956.
- Макашвили А.К. 1949 – Ботанический словарь. Названия растений. Тбилиси, 1949 (на груз. языке).
- Март Н.Я. 1910 – Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. II. СПб., 1910.
- Март Н.Я. 1938 – О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938.
- Мегрелидзе И.В. 1938 – Лазский и мегрельский слои в гурийском. М.; Л., 1938.
- Розава Г.В. 1942 – Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum ga* в мегрельском // Сообщения АН Груз. ССР. Т. 3. № 6. 1942.
- Старостин С.А. 1985 – Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985.
- Топуриа В.Т. 1967 – Сванский язык. I: Глагол. 2-е изд. Тбилиси (на груз. языке).
- Цагарели А. 1880 – Мингрельские этюды. Первый выпуск. Мингрельские тексты с переводом и объяснениями. СПб., 1880.
- Циколия М.М. 1969 – Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969.
- Циколия М.М. 1977 – Абхазско-картвельские синтаксические параллели // Труды Абх. Института языка, литературы и истории. Т. VI. Тбилиси, 1977.
- Цхадая П.А. 1975 – Топонимика горной Мегрелии. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975.
- Чарая П. 1912 – Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб., 1912.
- Чикобава А.С. 1942 – Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра. Т. XX. Тбилиси, 1942.

Чургулия О. 1983 – Варианты частицы 'хе' в картвельских языках // Известия АН Груз. ССР. 4. Тбилиси, 1983.

Шагиров А.К. 1982 – Материальные и структурные общности лексики абхазско-адыгских языков. М., 1982.

Шагиров А.К. 1989 – Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.

Chirikba V. 1996 – Common West Caucasian. The reconstruction of its phonological system and parts of its lexicon and morphology. Leiden, 1996.

Hewitt B.G. 1992a – Languages in contact in N.W. Georgia: fact or fiction? // G. Hewitt (Ed.). Caucasian perspectives. München, 1992.

Hewitt B.G. 1992b – Another case of influence of Abkhaz on Mingrelian syntax? // Catherine Paris (Ed.). Caucasologie et mythologie comparée. Actes du Colloque International du CNRS. IV-e Colloque de Caucasologie (Sèvres, 27–29 juin 1988). Paris, 1992.

Lacassen W. 1989 – Loans in Abkhaz // Studies in Slavic and general linguistics. V. 1. Utrecht, 1980.

Schmidt G. 1950 – Abchasische Lehnwortstudien // Studia Orientalia / Ed. Societas Orientalis Fennica. XIV. 4. Helsinki, 1950.

Spencer E. 1839 – Travels in Circassia. Krim-Tartary. V. I, London, 1839.